

Чей это лес — я угадал
Тотчас, лишь только увидал
Над озером заросший склон,
Где снег на ветви оседал.

Мой конь, заминкой удивлен,
Как будто стряхивая сон,
Глядит — ни дома, ни огня,
Тьма да метель со всех сторон.

В дорогу он зовет меня.
Торопит, бубенцом звеня.
В ответ — лишь ветра шепоток
Да мягких хлопьев толкотня.

Лес чуден, темен и глубок.
Но должен я вернуться в срок;
И до ночлега путь далек,
И до ночлега путь далек.

Роберт Фрост

«ОСТАНОВИВШИСЬ НА ОПУШКЕ
В СНЕЖНЫХ СУМЕРКАХ» (1922 г.)*

---

* Перевод Г. Кружкова. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Перед рассветом рваные тучи в небе почернели, горизонт был усеян обломками старых ржавых силуэтов. Вокруг ни души.

— Химиотрассы, — бросил фермер Алеку, как только они встретились, и остаток пути молчал.

Свет фонариков выхватил край берега и пенистую воду — через осушенные болота фермы протекал мелкий ручей. В камышах звенела жизнь: тут были и мухи, и сверчки, и овсянки.

— Ну и где они? — вздрогнув, спросил Алек.

Время без пяти семь. Куртку он оставил в патрульной машине.

— Овец не было, — сказал фермер, не обращая внимания на вопрос собеседника. Он перепрыгнул через ручей, сапоги заскользили по наклонному берегу. — А вообще они любят сюда приходить.

Алек нерешительно осматривал илистую землю, и фермер ухмыльнулся, отчего его щеки запылали под грязно-белой бородой. В прорезиненной куртке, с огромным животом и низким голосом он смахивал на безумного Санта-Клауса.

— Смелее, сержант Николс. Неужто боитесь замараться?

— Нет. Вообще-то да... Надеюсь, вы не зря тратите мое время. Здесь столько мух... — Алек отогнал с закатанного рукава пугающих размеров насекомое.

— В следующий раз одевайтесь подобающе, — посоветовал фермер.

Скривившись, Алек отошел назад, перепрыгнул через ручей и с глухим звуком приземлился прямоком в густую студенистую грязь, забрызгав и свои черные брюки, и джинсы старика.

Тот недовольно цокнул, затем улыбнулся.

— Что ж такое, а?

Алек попытался отряхнуть брюки, но лишь сильнее размазал грязь и испачкал руки.

Фермер пошел дальше и указал на громадный полупустой бак, стоящий в паре сотен футов. Полупрозрачный пластик от времени покрылся пятнами, а след от воды, которая когда-то там была, походил на смазанную улыбку.

— Там мы их и нашли, — мрачно сообщил фермер.

Алек посмотрел на часы: 7:06. Скоро взойдет солнце.

Они двинулись дальше. Тишину нарушало только жужжание мух и отдаленное бляение овец в полумраке.

— Джин уезжает, вы в курсе?

— Кто-кто? — переспросил Алек.

— Джин, соседка. Продает ферму.

— А, Джин... — Его голос затих. — Да, видел табличку.

По дороге сюда Алек проезжал мимо той фермы: земли там в два раза больше, чем у этого старика, а животные и уголья очень ухоженные, не то что здесь. Имени хозяйки он не знал, да и вообще почти ни с кем из местных не общался. Еще одно доказательство, что он до сих пор тут чужой.

— Сказала, переезжают к родным.

— Кажется, пару раз я видел ее с мужем в городе, — отозвался Алек, подходя к «улыбающемуся» баку с водой. — Они ведь раньше пекли такие вкусные мясные рулеты. Пробовали?

Алек отогнал от лица еще одну муху.

— Нет, — ответил фермер. — Я вегетарианец.

II

— Серьезно? Моя жена как-то пыталась отказаться от мяса, но...

— Нет, — повторил фермер, явно не желая обсуждать эту тему.

Мир еще какое-то время будет погружен в темноту, но скоро солнце выйдет на свободу. День почти начался.

Футов через пятьдесят поле сменилось свежераспаханной бурой почвой. Повсюду комья земли и белесые камни. Под ногами по-прежнему грязно и сыро.

Край угодий был обозначен тонкой металлической сеткой; там, где сквозь проволоку пытались выбраться наружу овцы, торчали клочки шерсти. Впрочем, никаких животных вокруг не было.

— И где же...

— Вон там, — перебил фермер. — В земле.

Алек посмотрел под ноги, но не увидел ничего, кроме грязи.

— Я не...

Что-то у самой поверхности почвы пошевелилось на ветру, и Алек замолчал на полуслове.

Он сделал шаг вперед и осветил фонариком. Прямо перед ним, почти сливаясь с грязью, лежала грива черных волос, густых шелковистых завитков.

Алек подошел ближе, опустил на колени, вытер руки о штаны и достал из кармана латексные перчатки. Хотел надеть их одним легким движением, но влажные пальцы сразу прилипли к материалу. Медленно натягивая перчатки, он не сводил глаз с темных спиралей волос.

Приподнял один локон — на удивление тяжелый и жесткий. Провел рукой вдоль прядей, осторожно их ощупывая. У основания завитка, рядом с остальной массой волос, Алек почувствовал твердую плоть.

Солнце поднималось все выше. Он аккуратно опустил волосы и заметил кое-что еще.

Что-то черное, блестящее, как пластик, с полумесяцем тускло-белого цвета по краю.

Из земли торчал глаз, большой грустный глаз, смотрящий ввысь.

Алек отшатнулся.

— Их нашла моя дочь, — сказал фермер. — И зачем она вообще сюда забрела...

Алек посветил фонариком: таких было много. Некоторые совсем близко, другие подальше. Он обошел все кругом, оставив сотни следов и насчитал шестнадцать закопанных на один и тот же манер голов — почти у каждой из земли торчал только глаз и крошечная полоска кожи. Лишь одну зарыли не так глубоко, и у нее проступала шея. Пока было непонятно, какая часть туловища скрывалась под поверхностью.

Повсюду куча следов: и Алека, и фермера, и его дочери. О таком его никто не предупреждал. Он и представить не мог...

— Кто мог такое сотворить? — прохрипел старик. — Кто мог взять и...

Алек резко посмотрел вверх, к горлу подступила желчь. Солнце светило все ярче, окрашивая небо огненно-красным цветом. В камышах по-прежнему гудели мухи и сверчки, однако мертвых глаз, казалось, сторонилось все живое.

Примерно в полумиле на горизонте виднелся каменный дом.

— Кто там живет? — спросил Алек.

— Никто.

Дом и правда казался заброшенным.

— Вы раньше сталкивались с чем-то подобным? — снова обратился он к фермеру. — С чем-то настолько...

Ужасающим.

И прекрасным.

— Нет, а вы?

Алек покачал головой, отступил на шаг, снова посмотрел на волосы. Теперь было понятно, что это конские хвосты.

— Это ведь убийство, — тихо произнес старик. — Вы только гляньте, сразу видно — убийство.

Вообще-то всего лишь порча имущества. Преступление против собственности.

Если убиваешь не человека, то считай, можно делать что угодно.

Алек снова взглянул на мрачный и холодный дом вдалеке.

— Может, кто-то затаил на вас обиду и решил вот так поквитаться?

Фермер выдавил улыбку.

— Кто-то, кроме моей жены? Нет-нет. Я всегда ладил с людьми. — Он замолчал и после паузы спросил: — И что мне теперь делать?

— Нужно вызвать ветеринара. — Алек выпрямился. — Если получится, проведем вскрытие, а пока их лучше не трогать.

— У меня на все это денег нет.

— Вам и не нужно...

— Кто-то ведь специально их так закопал, да? — перебил фермер. — Лошади сами в землю не зарываются.

— Ну, тут же раньше были болота. Возможно, они... Не знаю, может, просто...

— Нет, — уверенно возразил старик.

Алек опять посмотрел на глаза лошадей: они казались полными жизни, и только их неподвижность говорила о том, что животные мертвы.

Он достал телефон и сделал несколько фотографий. Сойдет, пока не приедет подмога.

— Держите остальной скот подальше от этого места. Заприте их или...

- А что насчет хозяина?
- Какого хозяина?
- Ну, их... этих... — поморщившись, фермер махнул рукой.
- В смысле? — Алек перевел взгляд на головы, затем снова на мужчину. — А, так они были у вас на постое? Тогда надо связаться...
- Нет! — рывкнул фермер. — Нет, нет, нет.
- Тише, не волнуйтесь. — Алек подошел ближе, но старик отвернулся. — Страховка наверняка все покроет.
- Да поймите же вы, наконец, я вообще не держу лошадей — и никогда не держал. Это я и пытался растолковать по телефону той девушке...
- На край глаза села муха.
- Я этих лошадей первый раз вижу.

2

В комнате сидит мертвец. Руки завязаны сзади, поэтому он не падает. В воздухе витает пыль и запах газа. В его животе что-то шевелится. Правого глаза нет.

Голод трупа пережил его самого. Желудок кишит бактериями и симбиотическими соками, они продолжают дышать и поглощать организм. Он переваривает сам себя.

Пахнет кошмарной смесью протухшей свинины и сахара. Хуже запаха в мире нет.

В комнате сидит мертвец, но он там не один.

За тем, как с тела берут образец, наблюдают два детектива. Образец — это не ткани жертвы, а три белых кошачьих волоска, найденных в крови.

Купер прижимает маску к лицу — вонь стоит невообразимая. Броситься к окну и блевануть — не вариант. Нельзя дать этим надменным ублюдкам повод сомневаться в ее профессионализме.

Купер впервые видит труп, хотя по ней и не скажешь.

Нужно сосредоточиться только на кошачьей шерсти и ни на чем другом. Сейчас не время проявлять эмоции.

Волоски-то и помогут раскрыть дело. Они позволят найти человека, которого не смог найти никто другой. Они...

— Почему мы здесь? — спросила психотерапевт.

В маленькой залитой светом дневных ламп комнате не оказалось часов. Купер взглянула на свои наручные — черные, массивные, с красной окантовкой. Она носила их на левой руке, и от них было больше проблем, чем пользы.

Стоит ей посмотреть на часы, как врач обвинит ее в излишней суетливости. Она каждую мелочь готова использовать против своей пациентки. Ну ни капли жалости.

— Зачем мы здесь, Купер? Давайте вернемся к этому вопросу.

Купер прищурилась.

— Хотите, чтобы я поделилась своими чувствами? — Она выпрямила спину. — Я и так ими делюсь.

— Я хочу обсудить один момент из вашего рассказа. О том, что «не время проявлять эмоции».

— Я тогда впервые оказалась на месте преступления, — со злостью ответила Купер. — Что, надо было взять и расплакаться?

Психотерапевт лишь внимательно посмотрела на нее. Как же она не похожа на предыдущую, милую полную женщину, которая носила мешковатые зеленые свитера, все время улыбалась и с сочувствием реагировала на каждую фразу Купер. А эта...

Какой ледяной взгляд.

— Мне было двадцать пять. Я тщательно изучила место происшествия, забрала кошачью шерсть на экспертизу, вышла из здания, и меня вывернуло прямо на газон. —